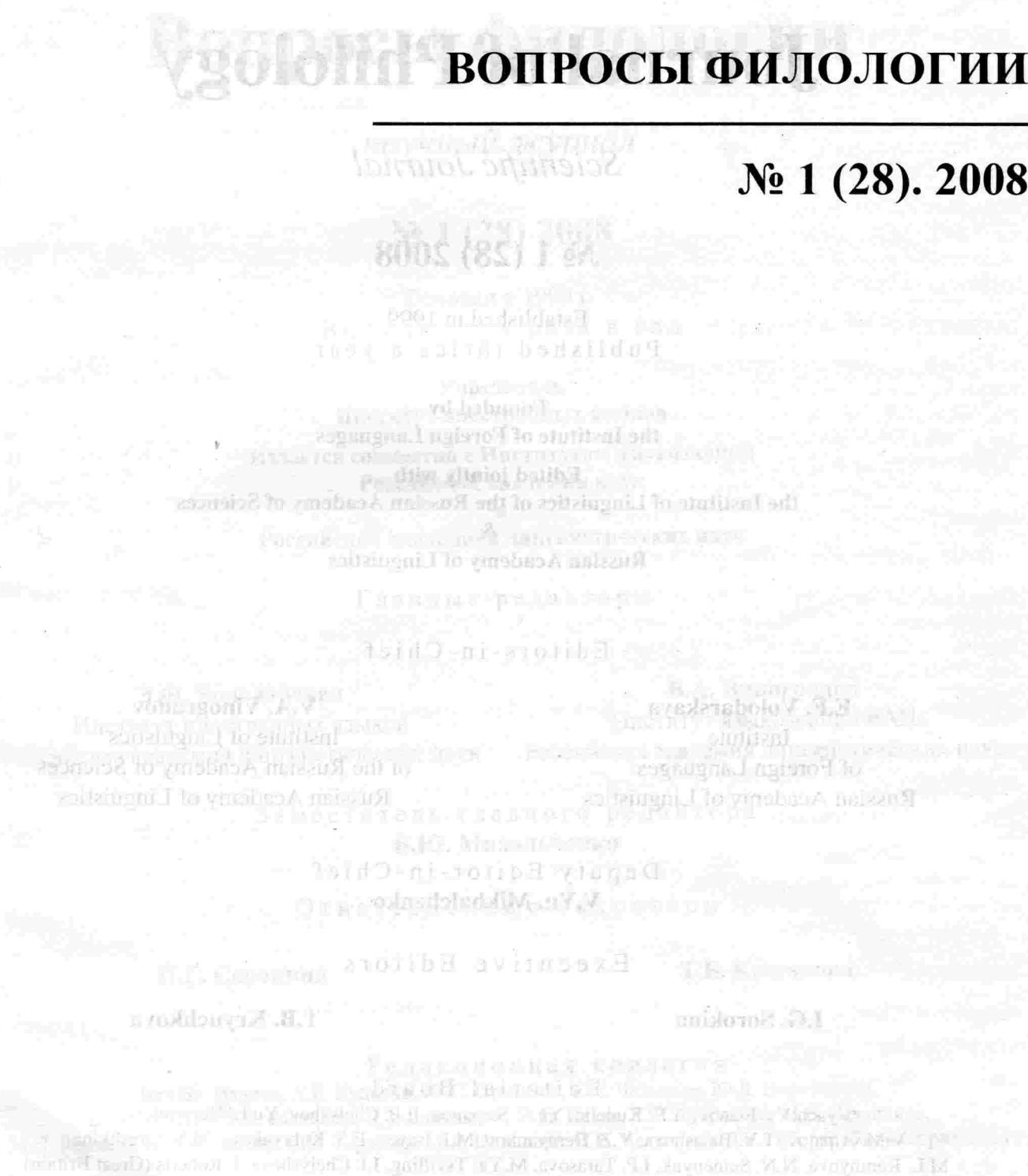

ISSN 1562-1391

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

№ 1 (28). 2008

**ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАУК**

**ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РАН**

МОСКВА

ПОСВЯЩЕН IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО»**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ**

- Карманова З.Я. К проблеме феноменологии слова 6

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

- Горячева М.А. Сфера образования как объект исследования социолингвистики: цели и методы 15
 Кондрашкина Е.А. Проблемы сохранения родного языка и культуры в условиях иноязычного окружения (на примере марийской диаспоры в РФ) 24
 Ретинская Т.И. Особенности словообразования во французских профессиональных арго 32

ЯЗЫКИ НАРОДОВ МИРА

- Авдонина М.Ю. Семантические и прагматические аспекты словотворчества (на материале словообразовательного гнезда «слон») 37
 Карпов В.И. Немецкая диалектология в России 45
 Никуличева Д.Б. Типология близкородственных языков как раздел германистики 49
 Рожанский Ф.И. Редупликация в хакасском языке 53
 Топорова Т.В. О принципах классификации синонимов в эпосе 64
 Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. Из истории развития академической германистики 69
 Стекольникова Н.В. К тождеству вариантов кумулятивной сказки: лингвистическое обоснование 78

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Абилова Ф.А. Ярмарочный код в Уэссекском цикле романов Т. Гарди 85
 Остапкович А.В. Сонет как гармонически универсальная самоорганизующаяся система 90
 Селитрина Т.Л. Особенности экспериментальной прозы К. Исибуру 99
 Фомичёва Ж.Е. Постмодернистская ирония в современном английском романе 107

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Цветкова Т.К. Теория билингвизма как методологическая основа обучения иностранному языку 114

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Асгариан А. Особенности языка новостных программ на иранском телевидении 119
 Дюжева М.Б. Молодежная субкультура протеста в названиях музыкальных групп 125
 Костьева М.А. Лексико-семантическая группа слов с общим значением «трудовые ресурсы» в языке делового общения 130

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Красухин К.Г. Рец. на кн.: Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гnosis, 2007. 318 с. 136

- НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**
 Хроника Международной конференции по уральским языкам, посвященная 100-летию со дня рождения К.Е. Майтинской (Москва, 12–16 ноября 2007 г.) 138
 Научно-практический семинар «Квебек в системе Канадской федерации» (Саратов, 30–31 января 2008 г.) 142

ЮБИЛЕИ

- Слово о старшем коллеге (к 80-летию со дня рождения М.И. Исаева) 145
 К 70-летию со дня рождения В.Ю. Михальченко 149

Редупликация в хакасском языке¹

В статье рассматривается явление редупликации в хакасском языке. Термин «редупликация» не является однозначным, поэтому следует сразу определить, что под ним подразумевается в данной работе. Э. Моравчик [16] предлагает классифицировать редупликацию в зависимости от уровня, на котором осуществляется повтор. Она выделяет три типа редупликации: бимодальную с повтором как на уровне формы, так и на уровне значения, мономодальную с повтором только на уровне формы и мономодальную с повтором только на уровне значения [16, 297–334]. В данной работе необходимым условием существования редупликации автор будет считать только повтор на уровне формы (таким образом, мономодальная редупликация с повтором на уровне значения остается за пределами нашего внимания)¹. Однако и среди явлений, связанных с повтором на уровне формы, не все попадают в область нашего рассмотрения. Так, мы относим к редупликации только грамматические, словообразовательные и лексические явления. А все, что касается текстового уровня (например, повтор слова или предложения в эмфатической функции), также остается вне рассмотрения². Итак, мы остановимся на следующих вопросах:

- 1) редупликация прилагательных со значением высокой степени признака;
- 2) редупликация в идеофонах;
- 3) редупликация в глагольных формах, выражающая различные совершеностные значения³.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-04-04051а. Приводимый в работе материал получен в результате полевых исследований автора и относится к сагайскому диалекту (говор села Казановка).

² Такой выбор аргументируется достаточно просто. Поскольку исчисление смыслов является нетривиальной задачей, не имеющей более или менее однозначных решений, к редупликации без повтора формы могут быть отнесены в зависимости от прихоти исследователя самые разнообразные языковые явления. Например, русское предложение *Он переплыл через реку* может считаться содержащим редупликацию (так как приставка *пере-* отчасти дублирует смысл предлога *через*). Явления такого рода, с нашей точки зрения, далеки от тех, про которые пойдет речь в данной работе. Тем самым исключение редупликации без повтора на уровне формы позволяет более четко и осмысленно очертить круг анализируемых явлений.

³ В частности, в данной работе не будут рассматриваться повторы, не обладающие специфическим формообразованием или дистрибуцией (типа *Он ходил-ходил, но ничего не нашел*).

³ Отмеченные три феномена, естественно, не покрывают все возможные случаи редупликации в хакасском языке. Ряд явлений в работе сознательно не рассматриваются (к числу таких явлений относятся звукоподражания, повторы в детской речи, повторы в заимствованной лексике и др. – более или менее полный список феноменов, связанных с повторами в тюркских языках, представлен в работе [17]).

РОЖАНСКИЙ Федор Иванович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкоznания РАН.

1. Редупликация прилагательных

Из трех рассматриваемых явлений редупликация прилагательных, пожалуй, больше всего обращала на себя внимание исследователей. Однако упоминания о ней отличаются чрезмерной лаконичностью. Приведем несколько примеров из описаний хакасского языка.

Н.П. Дыренкова: «Многие качественные прилагательные основы, особенно названия цветов и красок, для образования высшей степени качества принимают перед собой, в виде особой частицы, начальный слог своей основы с прибавлением звука "п".

Примеры: *хап-хара* (очень черный, совершенно черный, черным-черно)(ый); *хып-хызыл* (очень красный, совершенно красный, красным-красно)(ый); *сап-сары* (очень желтый, совершенно желтый, желтым-желто)(ый); *тип-тиглек* (очень круглый, совершенно круглый, круглым-кругло)(ый)» [6, 42].

Н.А. Баскаков: «Форма усиленного качества выражается трояким способом: <...>

3) путем частичной редупликации основы некоторых прилагательных, которая сводится к тому, что от основы прилагательного отделяется конечный слог или слоги; последние заменяются согласным и полученная таким образом усеченная основа с закрытым слогом прибавляется к основе аналогичного прилагательного в качестве препозитивной частицы, например: *харасхи* ‘темный’ – *хап-харасхи* ‘совершенно темный’, *хап-харасхи пол парган* ‘стало совершенно темно’, *сарыг* ‘желтый’ – *сан-сарыг* ‘желтый-прежелтый’, *чарых* ‘светлый’ – *чап-чарых ай сых килген* ‘взошла светлая, светлая луна’, *хызыл* ‘красный’ – *хып-хызыл* ‘очень красный’, *чоон* ‘толстый’ – *чоп-чоон* ‘очень толстый’ [2, 93–94].

Г. Андерсон: «One very restricted set of modifiers – a small number of basic color terms and *чоон* ‘fat’ and *чарых* ‘bright, light’ – have an expressive reduplicative prefix [RD] of the shape CVp-, e.g. *хархара* ‘extremely black, the blackest’, *хирхизил* ‘extremely red, the reddest’, *чорчоон* ‘extremely fat’; note that this is the only prefix in the language» («Один очень ограниченный набор модификаторов – небольшое количество основных цветообозначений и *чоон* ‘толстый’ и *чарых* ‘яркий, светлый’ – содержит экспрессивный редупликативный префикс вида CVp-, например, *хархара* ‘очень черный, самый черный’, *хирхизил* ‘очень красный, самый красный’, *чорчоон* ‘очень толстый’; заметим, что это единственный префикс в языке»)⁴ [15, 23].

⁴ Заметим, что квалификация редуплицируемой части слова как префикса, с нашей точки зрения, недостаточно оправдана. Отказавшись от такой трактовки, мы избавляемся от необходимости вводить указанное Андерсоном исключение. Заметим также, что мы не трактуем копию редуплицированно-

Вряд ли можно утверждать, что приведенные высказывания достаточно четко описывают образование редуплицированных форм. Еще хуже обстоит дело с ответом на вопрос о возможностях использования (или, говоря другими словами, продуктивности) данного грамматического механизма: у Баскакова [2] информация на эту тему отсутствует как таковая, Андерсон же утверждает, что кроме основных обозначений цветов лишь два прилагательных могут редуплицироваться. Имеющиеся у нас данные представляют совсем другую картину.

1.1. Формообразование редуплицированных прилагательных

Рассматриваемые формы прилагательных образуются при помощи частичной регрессивной (или левой) редупликации⁵. К началу слова добавляется форматив CVp- в случае, если слово начинается на согласный, или Vp-, если слово начинается на гласный, где С и V обозначают соответственно первый согласный и первый гласный исходного (нередуплицированного) прилагательного:

izig ‘горячий’ – ipizig ‘очень горячий’⁶,
kirlig ‘грязный’ – kirkirlig ‘очень грязный’,
хаzır ‘быстрый’ – хархазır ‘очень быстрый’.

При этом если гласный исходного прилагательного долгий, то в данном формативе его долгота теряется:

kıır ‘старый’ – kırkıır ‘очень старый’,
suuих ‘холодный’ – supsuuих ‘очень холодный’,
xiur ‘бесцветный, выцветший, пепельный’ – хирхиг ‘совсем бесцветный, выцветший’.

Однако это не единственный способ образования редуплицированных форм. Следует отметить, по меньшей мере, еще два способа, связанные с редупликацией.

Во-первых, это непродуктивный вариант той же модели редупликации, но осложненной суффиксом и морфонологическими изменениями. Таких примеров нам известно всего два:

ax ‘белый’ – appaças ‘белый-пребелый’,
kök ‘синий’ – köppregees ‘ярко-синий’.

го сегмента как частицу (ср., например: «ап частица усиления <...> ап-ары а) совершенно чистый, чистенький, б) очень чисто, чистенько; ап-аяс очень ясный» [13, 28]).

⁵ Во многих случаях можно говорить о направлении редупликации, т.е. о позиции, которую занимает копия редуплицированного сегмента по отношению к самому сегменту. Если копия располагается слева от базового сегмента, то мы называем редупликацию регрессивной, если справа – прогрессивной.

⁶ Части редуплицированного слова могут писаться слитно, раздельно или через дефис. Мы используем все три варианта, в зависимости от своих представлений о том, какое написание для соответствующей ситуации кажется наиболее наглядным. Тем не менее, за используемым написанием не стоит каких-либо содержательных теоретических посылок (например, определенной системы классификации), и мы не настаиваем на выбранном варианте написания.

Происхождение первого из этих примеров более или менее прозрачно (глубинная форма ap-ax-as отмечена в [13, 28]), обилие же морфонологических изменений во втором примере не позволяет считать его абсолютно бесспорным представителем рассматриваемого типа (хотя по аналогии с appaças его глубинная форма должна быть следующей: köp-kök-es).

Во-вторых, в том же значении усиления качества может использоваться полная редупликация прилагательных:

ulug ‘большой’ – ulug-ulug ‘очень большой’,
ırke ‘милый’ – ırke-ırke ‘очень милый’,
püzük ‘высокий’ – püzük-püzük ‘очень высокий’.

Рассмотрим подробнее функционирование и продуктивность разных типов редупликации у прилагательных.

1.2. Функционирование редуплицированных прилагательных

Вопреки процитированным выше утверждениям наш материал показывает, что образование прилагательных способом частичной редупликации (форматив (C)Vp-) является достаточно продуктивным механизмом (по крайней мере, в рассматриваемом говоре). С этой точки зрения, прилагательные можно условно разделить на три класса:

- 1) те, которые однозначно допускают образование редуплицированной формы;
- 2) те, у которых соответствующая форма признается одними носителями языка, но отрицается другими;
- 3) те, для которых образование такой формы однозначно невозможно.

В небольшой выборке прилагательных (примерно 100 слов⁷), которая была положена в основу нашего исследования, распределение по этим классам происходило следующим образом: первый и третий классы оказались примерно одинаковыми (в каждый из них попадало приблизительно по 30 % слов). Второй класс был несколько больше (порядка 40 % слов). Следует подчеркнуть, что факт существования трех таких классов, сравнимых по объему, является серьезным аргументом в защиту тезиса о продуктивности данного типа редупликации⁸.

Естественным образом встает вопрос о том, какие причины способствуют или препятствуют образова-

⁷ Естественно, рассматривались только те прилагательные, у которых можно говорить о степени выраженности признака.

⁸ Конечно, увеличение списка слов может оказаться на распределении слов по указанным классам. Заметную часть нашего списка составляли самые частотные прилагательные, простые по своей форме и семантике, а их способность образовывать редуплицированные формы достаточно высока по сравнению с морфонологически и семантически сложными прилагательными. Однако это ни в коей мере не может повлиять на достоверность утверждения о том, что рассматриваемое явление продуктивно и представлено в языке значительно лучше, чем можно судить по описаниям.

нию редуплицированной формы. Нам не удалось обнаружить каких-либо признаков, которые однозначно определяли бы возможность или невозможность появления рассматриваемой формы у прилагательного. Однако признаки, которые повышают или понижают способность прилагательного к редупликации, несомненно, существуют. Перечислим их.

1. Число слогов обратно пропорционально способности редуплицироваться. Так, односложные прилагательные за редким исключением допускают появление редуплицированной формы:

naa ‘новый’ – нарнаа ‘совсем новый’,
nïik ‘легкий’ – нïрпнïk ‘очень легкий’,
öl ‘мокрый’ – öрöл ‘очень мокрый’,
šuun ‘большой’ – šuršuun ‘очень большой’,
suuuh ‘холодный’ – supsuuh ‘очень холодный’,
kür ‘буйный, шустрый’ – küpkür ‘очень буйный, очень шустрый’.

Категорически не допускает редуплицированной формы прилагательное *рай* ‘богатый’, что, судя по всему, обусловлено начальным согласным [r] (см. ниже).

Трехсложные прилагательные не редуплицируются практически никогда. Единственные известные нам исключения, допускающие редупликацию, это прилагательные *tadîlig* ‘вкусный’ и *tabîrax*⁹ ‘быстрый’¹⁰. Возможно, появление этих исключений связано с очень сильной редукцией второго гласного (в беглой речи эти гласные редуцируются почти до нуля), что приближает эти слова к двусложным.

Среди двусложных слов немало как редуплицирующихся, так и нередуплицирующихся.

kürej ‘коричневый’ – küpkürej ‘совсем коричневый’,
silih ‘красивый’ – sipsilih ‘очень красивый’,
uzun ‘длинный’ – upuzun ‘очень длинный’,
xazîg ‘быстрый’ – xarxazîg ‘очень быстрый’,
xirug ‘пустой, сухой’ – xırhxirug ‘совсем пустой, совсем сухой’,
šaxsi ‘хороший’ – * šapšaxsi¹¹,
küstig ‘сильный’ – * küpküstig,

⁹ Здесь и далее мы используем запись языкового материала, не отражающую некоторые фонетические процессы, например, редукцию гласных (фонетическая транскрипция слова *tabîrax* ‘быстрый’ должна выглядеть как *tab(⁰)təx*, поскольку ударный [a] склонен к качественной редукции, а [i] – к количественной) или оглушение согласных (так, в слове *taltaŋ-tultaŋ* ‘о неуклюжей походке’ согласный [l] звучит глухо).

¹⁰ Наличие редуплицированной формы признавалось всеми опрошенными носителями языка для первого из них и большинством – для второго.

¹¹ В данной работе используется следующая система обозначений. Помета * означает, что данная форма или конструкция в языке невозможна (т.е. не признается как правильная всеми опрошенными носителями языка). Помета *? означает, что грамматическая правильность формы или конструкции вызывает большие сомнения (т.е. лишь меньшая часть опрошенных носителей языка признала эту форму или конструкцию как возможную).

хïjaa ‘умный’ – *? xïrxijaa,
šatraph ‘низкий’ – *? šapšatraph.

Однако, в целом, можно считать, что редупликация характерна для двусложных слов, если не возникает запретов, рассмотренных ниже.

2. Наличие суффикса *-tig/-tig/-lig/-lig/-nig/-nig* заметно препятствует возможности образования редуплицированной формы. Обычно этот суффикс образует относительные прилагательные, но многие прилагательные с этим суффиксом указывают на качественные признаки и образуют степени сравнения¹² (естественно, именно они и были представлены в нашем списке). В имевшихся у нас примерах встретилось лишь два прилагательных с этим суффиксом, которые однозначно допускали редуплицированную форму:

kirlig ‘грязный’ – *kipkirlig* ‘очень грязный’ (от *kir* ‘грязь’),
tadîlig ‘вкусный’ – *taptadîlig* ‘очень вкусный’¹³.

В остальных же случаях редуплицированная форма таких прилагательных категорически отрицалась либо всеми, либо большинством опрошенных носителей языка, например, * *ipîristig* (от *îristig* ‘скучный’), * *köpköglig* (от *köglig* ‘веселый’), * *küpküstig* (от *küstig* ‘сильный’).

При этом наличие форматива *-ig/-ig* само по себе (т.е. вне суффикса *-tig/-tig/-lig/-lig/-nig/-nig*) николько не препятствовало появлению редуплицированных форм:

izig ‘горячий’ – *ipizig* ‘очень горячий’,
arîg ‘чистый’ – *aparîg* ‘совсем чистый’.

Слова с суффиксами *-ži/-ži*, *-žix/-žik*, *-žax/-žek* тоже редко допускали образование редуплицированной формы, однако в отличие от предыдущего случая такие прилагательные почти всегда были трехсложными, и говорить о первичной причине запрета (количество слогов или наличие суффикса) в такой ситуации не представляется возможным.

3. Начальный согласный слова также влияет на способность прилагательного образовывать редуплицированную форму. Так, среди известных нам примеров не было ни одного, где бы редуплицированная форма появлялась у прилагательного, начинающегося с [r] (что не удивительно, поскольку [r] является конечным согласным копии – форматива (C)Vp-), например, *rora* ‘серый’ – * *porrora*, *pözik* ‘высокий’ – * *röppözik*. В большинстве случаев не допускалась редупликация у прилагательных, начинающихся на [m] (*mayat* ‘хороший’ – * *tarmatayat*), хотя в некоторых случаях она все-таки не отрицалась жестко: *mögis* ‘опечаленный, грустный’ – *? *mörmtögis*.

¹² См. [2, 89–91].

¹³ В данном случае словообразовательный процесс не совсем прозрачен. Вероятно, что данное прилагательное образовано от существительного *tadig* ‘вкус’, но под влиянием глагола *tadîrga* ‘иметь вкус’ получилась нерегулярная форма *tadîlig* (вместо ожидаемой *tadîglig*).

Существование у прилагательного редуплицированной формы с формантом -(C)Vp вовсе не противоречит использованию другой возможности выражения усиленного качества. Все прилагательные допускают образование аналитических конструкций с такой же (или очень близкой) семантикой. В качестве усиливательных слов в рассматриваемом говоре чаще всего используются *tîmer* ‘очень, чрезвычайно, излишне’, *tîda* ‘очень’, *naj(le)* ‘очень’, *ışaa* ‘очень’.

Особого внимания заслуживает полная редупликация прилагательного¹⁴. На первый взгляд может показаться, что это обычный вариант продуктивного повтора, типичного для многих языков и применимого ко всем прилагательным, семантика которых позволяет говорить о выраженности качества («белый-белый снег», «большой-большой дом» и пр.). Однако наши наблюдения показали, что хакасские прилагательные крайне неоднозначны по своей способности к полной редупликации. Для некоторых из них полная редупликация очень характерна:

ulug ‘большой’ – *ulug-ulug* ‘очень большой’,
arığ ‘чистый’ – *arığ-arığ* ‘очень чистый’,
köglig ‘веселый’ – *köglig-köglig* ‘очень веселый’.

Другие же не образуют соответствующей формы, либо такая форма оказывается на грани грамматичности:

mayat ‘хороший’ – * *mayat-mayat*,
nîik ‘легкий’ – * *nîik-nîik*,
xatîg ‘крепкий’ – *? *xatîg-xatîg*.

Следует подчеркнуть, что жесткой корреляции между способностью образовывать редуплицированную форму при помощи полной и при помощи частичной редупликации не наблюдалось, хотя заметная часть слов, не допускающих полную, допускала частичную редупликацию.

Нельзя не заметить, что описанная система правил, способствующих или препятствующих появлению редуплицированных форм хакасских прилагательных, заметно отличается от того, что наблюдается, например, в турецком языке (см. [18]). Однако существуют и некоторые общие черты, в частности, избегание стечения «двойных согласных» (т.е. прилагательное с начальным [p] не может использовать кластер (C)Vp для образования редуплицированной формы).

2. Редупликация идеофонов

2.1. К определению идеофона

В хакасском языке, как и во многих других языках, существует специфический класс звукосимволических слов (далее мы будем называть их «идеофонами»¹⁵). Эти слова со специфической фонетикой,

¹⁴ Мы не относим к редупликации аналитические конструкции со значением превосходной степени, где используются разные падежные формы прилагательных (типа *axtaʃ* ах ‘белый из белых’ – первое слово оформлено исходным падежом, второе стоит в форме именительного падежа).

морфологией, синтаксисом и семантикой служат для экспрессивного выражения признаков, действий и их характеристик. Большую (если не большую) их часть составляют редуплицированные слова¹⁶. Прежде чем переходить к их анализу, следует сделать несколько терминологических замечаний, позволяющих более четко определить объект нашего интереса. В тюркологии существует специальный термин «мимемы», введенный еще в начале XX в. (см. [1; 3; 4]). В основу классификации мимем был положен семантический критерий (см., например, анализ этого вопроса в [10, 17, 50–51]), в результате чего, с одной стороны, базовым стало противопоставление звукоподражательных и образоподражательных слов (первые связаны с передачей определенных звуков, вторые – всех остальных образов: зрительных, осязательных и пр.)¹⁷, с другой стороны, как слова одного порядка рассматривались собственно звукоподражания, детские «отпечаточные» (лепетные) слова и собственно идеофоны¹⁸. В нашем понимании идеофоны – это значительно более узкий, чем мимемы, класс слов, основной особенностью которого является не только звукосимволическое происхождение¹⁹, сколько свойство

символическое слово (см. например, [8]), а не отдельный звук (как, например, в работе [10]). Подчеркнем, что не всякое слово звукосимволического происхождения является идеофоном – нередко идеофоны приобретают морфологические характеристики какого-либо класса слов (глагола, существительного и др.) и становятся полноценными представителями этого класса, несмотря на свое звукосимволическое происхождение.

¹⁶ Нередуплицированные идеофоны в данной работе рассматриваются не будут.

¹⁷ Именно таким образом обычно подаются рассматриваемые классы слов в грамматиках тюркских языков: отдельно звукоподражательные (включая собственно звукоподражания и идеофоны, передающие звук), отдельно образоподражательные (которые практически все являются идеофонами). См., например, [9, 458–459]. При этом очевидно, что дробные классификации, созданные на основе семантического критерия, оказываются более чем условными. Например, в работе [14], посвященной туркменским подражательным словам, выделяются следующие классы звукоподражательных слов: а) звуки, издаваемые человеком и другими живыми существами; б) звуки, возникающие в природе; в) звуки, возникающие при ударе, соприкосновении различных предметов; г) звуки стрельбы, взрывов и многие другие. При такой классификации некоторые звукоподражательные слова могут быть отнесены более чем к одному классу, поскольку в основу классификации положены разные признаки (например, «кем издается звук» и «какого типа этот звук»).

¹⁸ В работах [3; 4] сортировка списка мимем производится на основе встречающихся в них согласных, что в определенной степени связано со значением мимем (в силу их звукосимволического происхождения). В результате происходит смешение собственно идеофонов со словами звукосимволического и звукоподражательного происхождения, принадлежащими к другим грамматическим классам (существительными, глаголами и пр.).

¹⁹ Следует подчеркнуть, что не существует взаимооднозначного соответствия между словами звукосимволического происхождения и теми идеофонами, которые мы наблюда-

¹⁵ Под термином «идеофон» мы понимаем именно звуко-

идеофонов образовывать именно грамматический класс, со своим специфическим набором свойств на всех уровнях языка²⁰. Таким образом, по отношению

(словах) отличается от редупликации в звукоподражательных словах. Соотношение этих понятий можно представить в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Критерий	Мимемы	
Семантический (выражает ли данное слово звук)	звукоподражания	образоподражания
Функциональный (как устроена система передачи образа)	звукоподражания	звукосимволические слова (идеофоны)

к понятию «идеофон», выделяемому на основе целого ряда функциональных критериев, понятие «мимема» является более широким. Для нашей работы различие этих понятий становится принципиальным, поскольку редупликация в идеофонах (звукосимволических

Идеофоны могут передавать как звуковые, так и прочие образы, однако не всякое слово, передающее звук, является идеофоном. Представим в виде следующей таблицы (см. табл. 2) те признаки, которые позволяют различить звукоподражания и звукосимволи-

Таблица 2

№	Признак	Звукоподражания	Звукосимволические слова (идеофоны)
1	Обозначение звуков и шумов	Всегда	Не всегда
2	Возможность нечленораздельной речи	Существует	Не существует
3	Соотношение реального звука и звучания слова	Более тривиальное	Менее тривиальное
4	Морфонологическая структура	Относительно произвольная	Жесткая
5	Организация лексики	Произвольная	Паронимически кластерная
6	Интеграция в синтаксическую структуру предложения	Слабая	Сильная
7	Семантическое дублирование	Встречается редко	Встречается часто
8	Просодическое маркирование	Не свойственно	Свойственно
9	Стилистическая нагруженность	Слабая	Сильная
10	Дивергенция (различие двух частей редуцированного слова)	Редко	Часто
11	Количество частей при повторении	Произвольное	Не всегда произвольное

ем в языке на синхронном уровне. Возможна ситуация, когда слово с прослеживающейся этимологией (возможно, даже заимствованное из другого языка) переосмысливается носителями, начинает интерпретироваться как звукосимволическое и в результате попадает в класс идеофона. Возможна и обратная ситуация: звукосимволическое слово начинает оформляться, например, глагольными показателями и вскоре становится полноценным глаголом, о звукосимволическом происхождении которого можно только догадываться. Диахронический анализ таких процессов является крайне нетривиальной задачей, ни в коей степени не входящей в число задач данной статьи. Поэтому мы будем говорить только о словах, относящихся к синхронному грамматическому классу идеофонах (вне зависимости от происхождения этих слов).

²⁰ Можно условно разделить языки два класса: 1) языки, в которых развита система идеофонов, и разумным представляется говорить о них как об отдельной части речи (не смешивая идеофоны с другими классами слов, как это нередко наблюдается в традиционной лингвистике, см., например, [7, 92; 11, 250, 278], где хорошо развитая система идеофонов коми языка рассматривается лишь как подкласс наречий или междомений); 2) языки, где идеофоны отсутствуют или представлены единичными словами (что может являться результатом распада исходно существовавшей идеофонической системы). Хакасский язык, несомненно, относится к первому из этих классов.

ческие слова (т.е. определяют границу, отмеченную в нижней строке табл. 1)²¹.

Комментарий к таблице 2 (номер комментария соответствует номеру признака)

1. Идеофоны могут обозначать не только звуки, но также и особенности внешнего вида, характерные черты некоторого действия и пр.

2. Нечленораздельная речь достаточно характерна для звукоподражаний, например, в русском «з-з-з...» (писк комара), «ш-ш-ш...» (шипение), «а-а-а...» (крик или плач).

3. Этот признак, естественно, касается только идеофонов, передающих звуки. Степень схожести реального звука и предающего его слова, несомненно, достаточно условна. Однако более вероятно, что человек, не являющийся носителем языка, сможет иден-

²¹ В таблице мы приводим признаки, противопоставляющие звукоподражания и идеофоны, безотносительно к хакасскому языку. То есть в конкретном языке релевантными могут быть только некоторые из них. Например, признак «Семантическое дублирование» для хакасского языка практически нерелевантен.

тифицировать реальный звук по звукоподражанию, а не по идеофону.

4. У звукоподражаний, по-видимому, вообще могут отсутствовать ограничения на структуру (даже по сравнению с обычными словами языка). У идеофонов эти ограничения бывают очень жесткие. Иногда они могут противоречить принципам строения прочих слов.

5. Здесь термин «паронимия» понимается в узком смысле – с обязательным не только фонетическим, но и семантическим сходством. То есть для идеофонов характерно образование групп, в которые попадают слова, имеющие несомненное сходство в своем звуковом составе и одновременно относящиеся к одному и тому же семантическому полю.

6. Звукоподражания обычно вообще не интегрированы в структуру предложения и выступают либо обособленно, либо в качестве прямой речи. Идеофоны же, как правило, интегрированы в предложение достаточно жестко (например, формируют предикацию вместе со вспомогательным глаголом).

7. Под семантическим дублированием понимается использование рассматриваемого слова в дополнение к «обычному» слову, выражающему тот же смысл.

8. В некоторых языках идеофоны маркируются просодически.

9. В частности, использование идеофонов характерно только для разговорной речи. В письменной речи они могут встречаться, только если автор намеренно хочет придать образность своему тексту.

10. Если звукоподражание состоит из нескольких повторяющихся частей, то, как правило, они идентичны. Для идеофонов же очень характерно появление определенных регулярных различий между повторяющимися частями.

11. Повтор звукоподражания производится исключительно по мере необходимости (например, в русском: «хрю» – «хрю-хрю» – «хрю-хрю-хрю»). Идеофоны же либо ограничены фиксированным числом повторений, либо число повторений варьирует, но тогда оно обычно коррелирует со степенью экспрессивности.

Итак, в данной работе мы позволим себе не рассматривать редупликацию в звукоподражаниях, считая ее тривиальной (так как повтор в звукоподражаниях обусловлен исключительно повтором самого звучащего звука).

Общий список хакасских слов, которые могут квалифицироваться как редуплицированные идеофоны, относительно невелик – немногим более 60 слов (естественно, мы имеем виду только слова, зафиксированные в рассматриваемом говоре). Возможно, существуют и другие идеофоны, которые нам не удалось зафиксировать²². Все же имеющиеся в нашем

списке идеофоны создают достаточно представительную картину.

2.2. Морфонологическая структура идеофонов

Для идеофонов характерно наличие определенных CV-структур, и хакасский язык с этой точки зрения не является исключением. Большинство хакасских идеофонов имеет структуру CVC-CVC, CVCCVC-CVCCVC или CVCVC-CVCVC (долгий гласный здесь рассматривается как один гласный, т.е. слово *suum-saam* ‘о шуме, гвалте’ попадает в CVC-CVC класс), например, *sir-sar* ‘о громком плаче’, *tox-tax* ‘о громком стуке’, *tir-tar* ‘о громком треске (мотоцикла, выстрелов, насекомых)’, *pílčix-pálčix* ‘о бултыхании, плескании в воде’, *sigdir-sagdřir* ‘о звоне, бряканье’, *táltaŋ-túltaŋ* ‘о неуклюжей походке маленького ребенка’, *xújbaŋ-xájbaŋ* ‘про зигзагообразные движения’, *pítir-pátiŋ* ‘в разные стороны, вдребезги’, *síbix-sábiŋ* ‘о шушукании, шептании’, *xéjíŋ-tájíŋ* ‘о многократно искривленном предмете’.

Несколько примерами представлены типы CVCC-CVCC, CVCVCC-CVCVCC, CVCV-CVCV, например, *sírt-sart* ‘о подпрыгивающей походке (как у сороки)’, *xírt-xart* ‘о клохтанье курицы’, *nízírt-názírt* ‘о громких незвонких звуках’, *tídirt-tádirt* ‘о громких резких звуках’, *sabá-subá* ‘о бормотании, неразборчивой речи’, *salá-sulá* ‘кое-как, как попало’.

Все остальные идеофоны представлены единичными примерами.

Практически во всех идеофонах наблюдается дивергенция гласных, т.е. различие гласных в двух частях редуплицированного слова.

В словах типа CVC-CVC во второй части слова всегда встречается [a], в первой части могут быть различные гласные, но чаще всего это [i]: *tir-tar* ‘о громком треске (мотоцикла, выстрелов, насекомых)’, *tip-tap* ‘о моргании, хлопанье глазами’, *sir-sar* ‘о громком плаче’, *ríš-raš* ‘о говоре шорцев’, *síix-saax* ‘о визге, писке’, *riix-rah* ‘о звуке, возникающем при бросании предмета в воду’. При этом во всех имеющихся у нас примерах гласный первой части это не [a]. Заметим, что возможность появления различных гласных в первой части и отсутствие их разнообразия во втор-

в письменных текстах, их нельзя получить методом «прямого перевода», и в сознании носителей они часто находятся «на периферии» языка. Также следует подчеркнуть, что идеофоны являются, пожалуй, самым хрупким пластом лексики, т.е. «олитературивание» языка обычно ведет к разрушению идеофонической системы, вплоть до почти полного исчезновения. Процесс разрушения может происходить очень быстро, например, автор данной работы сам наблюдал в одной коми деревне, как носители языка старшего поколения владели очень развитой системой идеофонов, в то время как представители молодежи, постоянно и свободно общающиеся на своем языке, практически утратили всю идеофоническую систему (в лучшем случае они знали лишь несколько идеофонов). Так в течение жизни одного поколения язык потерял этот лексический пласт.

²² Заметим, что составление списка идеофонов всегда является непростой задачей – они практически не встречаются

кой свидетельствует о редупликации прогрессивного типа (т.е. исходной является первая часть слова, а производной – вторая).

В многосложных словах²³ дивергенции, как правило, подвергается только первый гласный. Правило дивергенции можно сформулировать следующим образом: если гласный первого слога не [a], то во второй части редуплицированного слова он заменится на [a]. Если гласный первого слога [a], то во второй части он будет заменен на [u].

Этому правилу полностью следуют слова типа CVCCVC-CVCCVC, например, *pílčix-pálčix* ‘о бульхании, плесканий в воде’, *sígðír-sagðír* ‘о звоне, бряканье’, *tírbax-tárbax* ‘в разные стороны (например, про растрапанные волосы)’.

Слова типа CVCVC-CVCVC также следуют этому правилу: *pítír-pátír* ‘в разные стороны, вдребезги’, *síbíx-sábíx* ‘о шушукании, шептании’, *tížíx-tážíx* ‘про щелкающие звуки’. В этом типе наблюдаются два примера с заменой второго гласного (в обоих случаях [e] заменяется на [a]): *síréj-saráj* ‘легкомысленно’ и *síréx-saráx* ‘о высокочке’.

Заметим, что в многосложных словах гласный второго слога в большинстве случаев [i]. Также обращает на себя внимание, что в имеющемся списке идеофонов практически нет слов с гласными переднего ряда²⁴.

Согласные в идеофонах также подчиняются целому ряду правил:

1) у слов, оканчивающихся на кластер VC, конечный согласный почти никогда не бывает взрывным;

2) у двусложных слов, оканчивающихся на кластер VC, конечный согласный может быть только x, t, n: *salbáx-sulbáx* ‘неряшливо, грязно’, *tížír-tážír* ‘о резких многократных звуках (выстрелах, громе)’, *hýjbał-xájbał* ‘про зигзагообразные движения’;

3) в кластере СС первый согласный кластера всегда – y, r, l, j, второй согласный, как правило, взрывной – b, d или t, например, *xúydír-xáydír* ‘о беспорядочном шуме, грохоте’, *artíx-puríx* ‘лишний’, *záltíx-sáltíx* ‘о мерцании, поблескивании’, *hýjbał-xájbał* ‘про зигзагообразные движения’;

4) у слов, оканчивающихся на кластер СС, этот кластер всегда rt. Например, *xírt-xart* ‘о клотанье курицы’, *sírt-sart* ‘о подпрыгивающей походке (как у скорок)’.

2.3. Идеофоны в системе словообразования

Включенность идеофонов в деривационные процессы заметно варьирует в разных языках. Существуют языки, в которых мы практически не находим однокоренных с идеофонами слов в других частях речи, равно как и языки, где идеофонический корень наблюдается у лексем, относящихся к другим классам слов (например, в русском есть немало пар, образованных глаголом и морфологически простым словом, подобным идеофону²⁵, типа «прыг» и «прыгать»). В языках второго типа (к которому, несомненно, относится и хакасский) чаще всего наблюдаются идеофонические глаголы. Следует подчеркнуть, что вопрос о направлении деривации является крайне нетривиальным. Вопреки существующему наивному представлению о вторичности идеофонов (проскальзывающему в некоторых научных работах), возможно и образование глаголов от идеофонов. Это очевидно для языков, в которых существуют специальные деривационные суффиксы, наблюдаемые именно в идеофонических глаголах²⁶ (допустив обратное направление деривации, мы не сможем объяснить появление этих суффиксов). Для хакасского языка не существует тривиальных способов, чтобы определить направление деривации²⁷, что, впрочем, не принципиально для дальнейшего изложения.

В хакасском мы находим немало глаголов, корень которых совпадает с первой частью редуплицированного идеофона (что однозначно свидетельствует о прогрессивной редупликации), например, *tírlírge* ‘трещать, стрекотать’ (ср. с *tír-tar* ‘о громком треске (мотоцикла, выстрелов, насекомых)’), *sígdirírge* ‘звякать, позывкать’ (ср. с *síyðír-sayðír* ‘о звоне, бряканье’), *pítírítírge* ‘разбежаться, разлететься в разные стороны’ (ср. с *pítír-pátír* ‘в разные стороны, вдребезги’), *síbíxtírge* ‘шептать, шушукаться’ (ср. с *síbíx-sábíx* ‘о шушуканье’), *nízírítírge* ‘шуметь, греметь’ (ср. с *nízírt-názírt* ‘о громких незвонких звуках’). Аналогичные примеры можно найти и для идеофонов в атрибутивной функции, например, *soxiř* ‘пестрый’ (ср. с *sóxiř-sáxiř* ‘пестрый’).

Интересная проблема возникает в тех немногих случаях, когда дериваты обнаруживаются для обеих частей редуплицированного идеофона. Например, в рассматриваемом говоре зафиксированы два синони-

²³ Многосложными мы считаем слова, у которых каждая из двух частей содержит более одного гласного.

²⁴ Нам не до конца понятен статус слова *küzürt-xázírt* ‘о громком шуме (например, ударах грома)’. В принципе наличие глаголов *küzürtírge* ‘гребметь, стучать, бренчать’ и *xázírtírge* ‘сердиться’ позволяет предположить, что мы имеем дело с парным словом, а не идеофоном. Однако некоторые носители языка расценивали сходство с глаголом *xázírtírge* ‘сердиться’ как омонимию.

В редких случаях во втором слоге первой части слова наблюдается гласный e, например, *síréj-saráj* ‘легкомысленно’, *šíréx-saráx* ‘о высокочке’.

²⁵ В данном случае мы намеренно используем «обтекаемую» формулировку, чтобы избежать ответа на вопрос, существуют ли идеофоны в русском языке. Ответ на этот вопрос неоднозначен, он требует отдельного исследования, которое не входит в задачи данной работы.

²⁶ Такая ситуация имеет место, например, в коми языке.

²⁷ В некоторых случаях возможно проследить историю возникновения слова, что иногда помогает определить направление деривации (см., например, [5]). Однако нередко наличие этимологий не является достаточным аргументом, да и не у всех слов этимология прозрачна. Вопросы этимологии идеофонов в данной статье не рассматриваются.

мичных глагола: *tišlirge* и *tašlirge* ‘топать, стучать’, несомненно, связанные с идеофоном *tiš-taš* ‘о незвоних повторяющихся звуках (стуке, выстрелах, шагах)’. На первый взгляд, *tiš-taš* выглядит как парное слово, отличающееся от редуплицированного семантической мотивированностью обеих частей (у дивергентной редупликации семантически мотивированной является лишь одна из частей). Однако, с нашей точки зрения, мы здесь сталкиваемся со случаем образования глаголов от обеих частей редуплицированного слова (*tišlirge* образовано от части *tiš*, а *tašlirge* от части *taš*). Такая ситуация достаточно редка, чаще мы встречаем примеры типа *tičkāt* (от *tičk-tak*), при отсутствии * *takat*.

Заметим, что однокоренные глаголы были обнаружены практически для всех хакасских идеофонов за исключением редких примеров типа *pış-paš* ‘о шипящем говоре шорцев’.

2.4. Морфосинтаксис идеофонов

Хакасские идеофоны могут быть разделены на два класса, которые можно условно назвать атрибутивным и предикативным. Слова, относящиеся к первому (значительно меньшему) по объему классу, обычно выступают в позиции определения к существительному, т.е. с синтаксической точки зрения являются прилагательными, например, *sırt-sart* *ips'iler* ‘легкомысленные женщины’, *xojgħix-majħix* *šol* ‘кривая дорога’, *rojħ-rasjif tere* ‘бородавчатая кожа’, *soxir-saxiñ* *küñnek* ‘пестрое платье’.

Второй класс идеофонов (значительно более обширный, чем первый) – это идеофоны, которые участвуют в формировании предикации. Поскольку идеофон как таковой не имеет грамматических характеристик, необходимых для предиката (показателей лица, времени и пр.), он формирует предикацию вместе со вспомогательным глаголом. То есть идеофон передает основной смысл, а глагол – грамматические характеристики²⁸. Число типичных вспомогательных глаголов довольно невелико. Это, прежде всего, глаголы *tüs-* ‘стать’ и *pol-* ‘быть’, например:

sınin' *küñnegiј* *salbax-sulbax* *tüs'se*
ты.GEN платье.POSS2SG IDEO стать.PRS
Твое платье с неровным подолом.

šiltistar *šiltix-šaltix* *tüs'seler*
звезда.PL IDEO стать.PRS.PL
Звезды мерцают (то там, то там).

²⁸ Это является одним из свойств, характерных для идеофонов в различных языках. См., например: «Общим синтаксическим признаком идеофонов в разных языках является их способность сочетаться с некоторыми специальными глаголами, в частности, с дефективными глаголами и глаголами-заместителями. Такие глаголы, сочетаясь с идеофонами, обычно сохраняют только грамматическое значение глагола. Лексические же значения таких глаголов становятся как бы условными» [8, 49].

sibižak *ibinde* *nizirt-nazirt* *la* *pol'satxan*
Сибиджак дом:LOC ideo EMRH быть.DUR
Сибиджак дома грохочет (например, передвигает что-то в процессе уборки).

mišanij *süümeginde* *putılıkalar*
Миша.GEN сумка.POSS3SG.LOC бутылка.PL
siydir-sayıdır *la* *polxannar*
IDEO EMRH быть.PAST.PL
У Миши в сумке бутылки гремят.

Среди имеющихся у нас примеров на предикативные идеофоны глагол *tüs-* ‘стать’ использовался примерно в половине случаев, а *pol-* ‘быть’ – в четверти случаев. На третьем месте находится глагол *par-* ‘идти’:

miša *şkolazar* *sulbix-salbix* *parşatxan*
Миша школа.ALL IDEO идти.DUR
Миша шел в школу неряшливы (грязный).
xajaa *tigilegi* *xijjr-xajjir* *parşa*
телега колесо.POSS3SG IDEO идти.PRS
Колесо телеги криво идет.

Приблизительно в 20 % из имеющихся у нас примеров использовались другие глаголы, не являющиеся специфичными для рассматриваемой функции:

mîniј *xonžiym* *ogorodin* *sala-sula*
мой сосед.POSS1SG огород.ACC.POSS3SG IDEO
odalap *salyan*
полоть.CONV класть.PAST
Мой сосед прополол огород кое-как.

šazida *xuzan* *pürdej* *xijbaj-xajbaj* *tiss'etken*
степь.LOC заяц волк.ABL IDEO убегать.DUR
В степи заяц от волка убегал зигзагами.

Для идеофонов также характерны трехчастные конструкции, устроенные следующим образом: сначала идеофон, затем вводящий его конверб вспомогательного глагола (возможно, немаркированный), затем личная форма смыслового глагола, обозначающего общее действие:

xajaa *tiđir-tadır* *tüs* *parşa*
телега IDEO стать идти.PRS
Телега с грохотом едет.

oolayis *turada* *nizirt-nazirt* *polip*
мальчик дом:LOC IDEO быть.CONV
pas-š'ürgen
шагать-ходить.PAST
Мальчик по дому с топотом ходил.

attij *saniž'ağ* *siydir-sayıdır*
лошадь.GEN колокол.DIM.POSS3SG IDEO
tüs *parşa*
стать идти.PRS
У лошади позвякивает колокольчик.

Как можно заметить из приведенных примеров, идеофон всегда ставится перед вспомогательным глаголом.

В описываемых конструкциях очень часто появляется эмфатическая частица *la/na* (вариант *na* является результатом ассимиляции *la* предшествующим носовым согласным), которая ставится непосредственно после идеофона (и, соответственно, перед вспомогательным глаголом):

šolža xaŋaa xuŋdɪr-xaŋdɪr la
дорога.TRANS телега IDEO EMPH

oŋlapš'atxan
бежать.CONV.DUR

По дороге телега с грохотом катилась.

olyannar pɪtɪr-patɪr la polyannar
ребенок.PL IDEO EMPH быть.PAST.PL

Дети разбежались в разные стороны.

mīša školazar taltaŋ-tultaŋ na parš'atxan
Миша школа.ALL IDEO EMPH идти.DUR
Миша в школу неуклюже (косолапя) шел.

Некоторые идеофоны могут выступать как в атрибутивной, так и в предикативной функции. Ср.: *îzirik xizirke iřžax-aržax xatxirše* ‘Пьяная Хызирке дурашливо смеется’ и *iřžax-aržax xis* ‘дурашливая девушка’, *tura istinde solbır-salbır polyan* ‘Дом был в беспорядке’, *solbır-salbır ipše* ‘неопрятная женщина’.

2.5. Семантика идеофонов

Семантика идеофонов (как в хакасском, так и других языках) во многом устроена по иным принципам, чем семантика прилагательных, наречий и других частей речи. Эта тема заслуживает отдельного серьезного исследования, поэтому здесь мы ограничимся лишь несколькими наблюдениями, сделанными нами в процессе работы над хакасским материалом.

Основных свойств, касающихся семантики, у идеофонов два.

1. Так как идеофоны являются звукосимволическими словами, их значение в большей или меньшей степени выводимо из внешнего облика слова (в отличие от обычных слов неидеофонического происхождения, у которых фонетический облик практически не связан со значением)²⁹.

2. Идеофоны нередко передают сложный образ,ключающий в себя разные каналы восприятия (визуальный, слуховой, а, возможно, и другие). Про неидеофоническое слово, находящееся вне контекста, можно сказать, что оно имеет абстрактный смысл, не связанный с конкретными образами и ситуациями (а если такая связь все-таки возникает, то она является объектом исследования скорее психологии, чем

лингвистики). Идеофоны же практически не имеют абстрактного смысла. Даже вне контекста идеофон ассоциируется с определенной ситуацией или «картинкой».

У этих двух свойств есть следствия.

1. Идеофоны практически не имеют точного переводного эквивалента в каком-либо другом языке.

2. Семантическая интерпретация идеофона очень индивидуальна: обычно множество контекстов, допускающих использование того или иного идеофона, сильно варьирует в зависимости от конкретного идиолекта.

3. Если для обычного слова его знание носителем языка может быть оценено по достаточно примитивной шкале (например, «Я знаю это слово», «Я не знаю этого слова» и промежуточное «Я слышал это слово, но не совсем хорошо понимаю, что оно значит»), то для идеофонов шкалу такого рода построить сложно: даже услышав слово первый раз, носитель языка может произвести его семантическую интерпретацию, основываясь на звукосимволизме, и в результате вывести значение идеофона (с разной степенью точности – от почти полного попадания до серьезной промашки)³⁰.

4. Поскольку семантика идеофона описывается в сознании носителя языка своего рода картинкой (включающей разные каналы восприятия), у разных носителей возможна актуализация разных составляющих этой картинки (т.е. что-то представляется более важным, «центральным», а что-то – менее важным, «периферийным»).

Для иллюстрации высказанных соображений приведем несколько идеофонов, сопроводив их описаниями их значения, полученными от различных носителей языка.

1. tox-tax

В грамматике хакасского языка [12] этот идеофон описывается как являющийся звукоподражанием стуку тяжелых шагов, топоту. Опрошенные информанты предлагали несколько варьирующие описания семантики этого идеофона, в частности:

- ‘об ударах тупого предмета по чему-либо деревянному’;
- ‘про ритмичные удары (стук топора, колес поезда)’;
- ‘о стуке колес поезда’;
- ‘о громком стуке (например, молотком), топоте ног (громче и звонче, чем *tiš-taš*)’.

2. salbáx-sulbáx

В грамматике [12] дается следующее объяснение: ‘образоподражание состоянию неряшлиности, рас-

²⁹ Естественно, это относится только к людям, владеющим системой звукосимволизма данного языка (т.е. к его носителям). Звукосимволические системы в различных языках могут заметно варьировать, поэтому, не владея языком, вряд ли можно вывести значение идеофона по его внешнему облику. Более того, даже носители языка, хотя и догадываются приблизительно о символике незнакомого идеофона, не всегда могут воспроизвести его значение с достаточной точностью.

³⁰ Подчеркнем еще раз, что принципы звукосимволизма (т.е. семантической интерпретации звуков) в большей или меньшей степени специфичны для каждого конкретного языка, и в данном случае разговор идет именно о носителе языка, владеющем соответствующей звукосимволической системой.

трепанности; суетливости, торопливости'. Согласно словарю [13]: 'неряха, растрепа, неряшливы, растрепанный'.

Для этого идеофона предлагались следующие варианты значений:

- 'неряшливо (про одежду – тут болтается, там болтается) с негативной оценкой';
- 'про пьяного (руки и голова болтаются)';
- 'о шатающейся походке пьяного; про одежду – порванная, неровно надетая, иногда болтается';
- 'неаккуратно' ;
- 'неряшливо, грязно'.

3. *míž̌ıg-máž̌ıg*

В грамматике [12] идеофон определяется как 'звукоподражание треску, хрусту'.

Для него предлагаются следующие варианты значений:

- 'о драке с большим количеством людей («кучка мала»)';
- 'с шумом (о драке; можно и про двух дерущихся людей, если есть шум)';
- 'с треском (о ломающихся ветках, о дереве, о ветках в костре)';
- 'о драке, о шуме в процессе драки, о громе' ;
- 'о драке' ;
- 'про драку (передается, прежде всего, движение, а не звук)'.

Эти примеры наглядно демонстрируют, что в сознании носителей языка нет абсолютного совпадения в интерпретации семантики идеофонов (для кого-то может быть более важна визуальная составляющая, для кого-то – звуковая; для кого-то оказывается более прототипической одна ситуация, для кого-то – другая). С нашей точки зрения, это семантическое свойство идеофонов является крайне важным. Поэтому бытующая в посвященной идеофонам литературе тенденция разбивать их на классы на основе семантического критерия должна восприниматься с определенной долей условности. Это утверждение, впрочем, никак не отрицает того факта, что в различных языках идеофоны склонны выражать более или менее схожие значения (или точнее – значения из определенных семантических полей) независимо от генетической принадлежности каждого языка (см., например, [8]).

3. Редупликация в глагольных формах

Этот вид редупликации является, по-видимому, наименее изученным (во всяком случае, в известной нам литературе упоминания о нем отсутствуют). Возможно, это связано с тем, что его функции связанны с видовой (в широком смысле этого слова) семантикой, и на фоне развитой системы тюркских видовременных противопоставлений (с обилием синтетически и аналитически образуемых форм) он просто «затерялся». В данной работе мы не претендуем на

более или менее исчерпывающий анализ этого вида редупликации и приводим лишь предварительные наблюдения.

Суть рассматриваемого явления можно кратко описать следующим образом: в определенных видовременных конструкциях в глаголе возможно появление повтора, создающее специфическую семантику предикации. Нами было зафиксировано два таких случая:

1) редупликация в конструкциях с глагольной формой на *-ibis/-ibis* со значением быстро произведенного и полностью завершенного действия;

2) редупликация в аналитической глагольной форме со вспомогательным глаголом *alyan* со значением действия выполненного в достаточной степени ('вдоволь' и т.п.).

Проиллюстрируем указанные случаи примерами.

Тип 1

ol idis-xamstı šuubısxan 'Она помыла посуду' – *ol idis-xamstı šuup-šuubısxan* 'Она быстро помыла посуду' ;

ol uzubısxan 'Он заснул' – *ol uzup-uzubısxan anaŋ toyısxıa parıbısxan* 'Он быстренько спал (сразу заснул, коротко спал), потом на работу пошел' ;

oolax knıga xırgıbısxan 'Мальчик прочитал книгу'

– *oolax knıga xırg-xırgıbısxan* 'Мальчик быстро прочитал книгу' ;

ol ottı saabisxan 'Он траву скосил' – *ol ottı saap-saabisxan* 'Он траву очень быстро скосил' ;

mın itti kızızbıskem 'Я разрезал мясо' – *mın itti kıs-kızızbıskem* 'Я быстро разрезал мясо' ;

ol aystaŋ jabolıkalar teeribısken 'Он собрал яблоки с дерева' – *ol aystaŋ jabolıkalar teer-teeribısken* 'Он быстро собрал яблоки с дерева' .

По всей видимости, в этих примерах мы имеем дело с аналитической конструкцией, образуемой при помощи дублирования глагола (конверб ставится перед личной формой того же глагола). Квалификация этой конструкции как редупликации не очевидна. Однако, обращает на себя внимание частое использование конверба в усеченной форме (это наблюдается у глагольных корней со структурой CVC), что может интерпретироваться как повторение глагольного корня: *xırg-xırgıbısxan* '(он) быстро прочитал', *kıs-kızızbıskem* '(я) быстро разрезал', *teer-teeribısken* '(он) быстро собрал'. Для таких глаголов использование усеченной формы явно является предпочтительным по сравнению с полной формой (имеющей показатель конверба). У глаголов другой структуры нередко наблюдается варьирование двух возможных форм, например: *ol suydi sabanzar urubısxan* 'Он воды в бочку налил' – *ol suydi sabanzar ur-urubısxan ~ urup-urubısxan* 'Он воды в бочку быстро налил'³¹.

³¹ Впрочем, второй вариант является маргинальным, поскольку признается не всеми носителями языка.

Тип 2

В этом типе мы наблюдаем повторение конверба, представляющего собой первую часть сложной видо-временной конструкции со вспомогательным глаголом *alyan* (прошедшее время от *al-* ‘брать’)³².

ol ayastaŋ jablokolar teerip alyan ‘Он собрал яблоки с дерева (некоторое количество)’ – *ol ayastaŋ jablokolar teerip-teerip alyan* ‘Он собрал яблоки с дерева (в достаточном количестве)’;

pazaas suy izip alyan ‘Теленок выпил воды’ – *pazaas suy izip-izip alyan* ‘Теленок напился воды (в достаточном количестве)’;

ol uzup alyan ‘Он поспал’ – *ol uzup-uzup alyan* ‘Он вдоволь спал’;

adej ït ſ'ib alyan ‘Собака поела мяса’ – *adej ït ſ'ib ſ'ib alyan* ‘Собака вдоволь поела мяса’;

ol suyaas suum alyan ‘Он выкупался’ – *ol suyaas suum-suum alyan* ‘Он накупался’³³.

Вполне вероятно, что существуют и другие виды редупликации в глагольных формах. Однако нам не удалось зафиксировать другие конструкции с редупликацией, которые были столь же продуктивны, как конструкции, рассмотренные выше³⁴.

Приведенный материал позволяет утверждать, что редупликация в хакасском языке (по крайней мере, в рассмотренном говоре) значительно более многообразна и развита, чем можно было бы предположить, исходя из имеющихся описаний языка.

Список сокращений³⁵

acc аккузатив (винительный падеж)

all аллатив (направительный падеж)

conv конверб (деепричастие)

dim диминутив

dur дуратив (прошедшее определенное на -чатхан)

emph эмфатическая частица

gen genitiv (притяжательный падеж)

ideo идеофон

loc локатив (местный падеж)

PAST прошедшее время (прошедшее неопределенное на -ган)

PL множественное число

poss1sg показатель притяжательности 1 лица единственного числа

poss2sg показатель притяжательности 2 лица единственного числа

poss3sg показатель притяжательности 3 лица единственного числа

PRS настоящее время (настоящее на -ча/-че)

TRANS продольный падеж (образуемый при помощи послелога-аффикса)

Литература

1. Ашмарин Н.И. Подражание в языках Среднего Поволжья. Вып. I–IV // Известия Азербайджанского университета. Баку, 1925. Общественные науки I–II. Общественные науки III–IV.
2. Баскаков Н.А. Грамматика хакасского языка. М., 1975.
3. Дмитриев Н.К. К изучению турецкой мимологии // Дмитриев Н.К. Стой тюркских языков. М., 1962 (впервые опубликовано на немецком языке в 1927 г.).
4. Дмитриев Н.К. Очерк южнотюркской мимологии // Дмитриев Н.К. Стой тюркских языков. М., 1962 (впервые опубликовано на немецком языке в 1928 г.).
5. Дыбо А.В. К проблеме происхождения имитативных слов // Тюркская и смежная лексикология и лексикография (Сборник к 70-летию Кенесбая Мусаева). М., 2004.
6. Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948.
7. Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка / Отв. ред. Г.Г. Бараксанов. М., 1985.
8. Журковский Б.В. Идеофоны: сопоставительный анализ (на материале некоторых языков Африки и Евразии). М., 1968.
9. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.
10. Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.
11. Некрасова Г.А. Наречие. Междометие // Коми язык: энциклопедия / Отв. ред. Г.В. Федюнова. М., 1998.
12. Хакасский язык (Фонетическая структура, словарный состав и грамматический строй) // Хакасско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1953.
13. Хакасско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1953.
14. Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1959.
15. Anderson G. D.S. Xakas (Languages of The World / Materials 251). LINCOM EUROPA, 1998.
16. Moravcsik E.A. Reduplicative Constructions // Universals of Human Language. Vol. 3: Word Structure / Ed. by J.H. Greenberg. Stanford, 1978.
17. Müller H.-G. Morphophonologische Untersuchungen an Reduplikationen im Türkischen. Philosophische Dissertation angenommen von der Neuphilologischen Fakultät der Universität Tübingen. Tübingen, 2003.
18. Sofu H. Acquisition of Reduplication in Turkish // Studies on Reduplication / Ed. by B. Hurch, V. Matthes. Mouton de Gruyter; Berlin; N.Y., 2005.

³² Н.А. Баскаков отмечает, что конструкции «-ып + ал-» выражают «законченное действие, предназначенное для самого совершающего» [2, 185]. В приводимых далее переводах мы не будем эксплицитно указывать адресата действия.

³³ В последнем примере мы наблюдаем усеченную форму конверба, у которой отсутствует показатель (см. [2, 238–240]).

³⁴ Впрочем, отдельные примеры редуплицированных конструкций другого типа все же наблюдались. Например, типичная для редупликации семантика мультиплексивности представлена в предложении *mîn tayzar kör-körş'em* ‘Я на гору (иногда) посматриваю’ (ср. с *mîn tayzar körş'em* ‘Я на гору смотрю’).

³⁵ В списке сокращений приводятся названия граммем, используемые автором статьи, и также, при необходимости, параллельные названия, приведенные в грамматике [2]. Некоторые расхождения между этими двумя системами, касающиеся интерпретации соответствующих показателей (например, что читать послелогом, а что падежным показателем), не следует рассматривать как существенные различия в интерпретации языкового материала.

REDUPLICATION IN THE KHAKAS LANGUAGE

F.I. Rozhanskiy

Summary

The paper is devoted to three most interesting cases of reduplication in the Khakas language: a) reduplication in adjectives denoting a high degree of quality, b) reduplication in sound-symbolic words (ideophones), and c) reduplication in verbal constructions with various aspectual meanings. Reduplication of adjectives is a wide-known phenomenon in Turkic languages, however never before has its detailed analysis in Khakas (especially in contemporary language) been conducted. Special attention is paid to features that provoke or impede the use of reduplicated forms. Reduplication of Khakas ideophones is considered on different language levels: syntax, semantics and morphophonology. Reduplication of verbal forms has not been treated at all by researchers previously and so it is analysed in the present paper for the first time. The material used in the paper was collected by the author during his own field work in the Kazanovka village (Sagai dialect). The paper also deals with some conceptual questions of linguistic theory, for example, it proposes criteria for distinguishing ideophones (sound-symbolic words) from cases of onomatopoeia.

©2008

T.B. Топорова

О принципах классификации синонимов в эпосе

Проблема классификации синонимов, их распределения в языке эпоса в зависимости от особенностей их семантической структуры, в значительной мере детерминированных сферой их функционирования, неизбежно оказывается в центре внимания исследователей при описании эпического слова – объекта анализа нескольких дисциплин: лингвистики, текстологии, культурологии и семиотики. В отечественной лингвистике первым опытом разработки определенной методологии изучения языка эпоса можно считать создание автоматических словарей словоформ, полученных на материале духовных стихов и притчаний¹, осуществленное группой исследователей в процессе тезаурусного описания фольклорного слова [2]. Предложенное авторами этого проекта описание фольклорного слова легло в основу анализа эпического слова в «Старшей Эдде», хотя и подверглось значительным модификациям.

Обратимся непосредственно к структуре словарной статьи, которая, на наш взгляд, позволяет с максимальной полнотой учесть различную информацию

об интересующем нас слове.

Схема описания эпического слова выглядит следующим образом.

1. Заголовочное слово.
2. Фонетические / морфологические варианты.
3. Контексты:
 - а) в мифологических песнях;
 - б) в героических песнях.
4. Количество словоупотреблений:
 - а) в мифологических песнях;
 - б) в героических песнях.
5. Толкование.
6. Денотат.
7. Грамматическая информация:
 - тип основы;
 - род;
 - число;
 - падеж (+ модель управления);
8. Этимология.
9. Словообразование.
10. Словосложение в мифологических песнях:
 - а) в качестве первого элемента композита;
 - б) в качестве второго элемента композита.
11. Количество словоупотреблений в мифологических песнях:
 - а) в качестве первого элемента композита;
 - б) в качестве второго элемента композита.
12. Словосложение в героических песнях:
 - а) в качестве первого элемента композита;
 - б) в качестве второго элемента композита.
13. Количество словоупотреблений в героических песнях:
 - а) в качестве первого элемента композита;
 - б) в качестве второго элемента композита.

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» на 2006–2008 гг. (Раздел 2 «Экологические аспекты культурогенеза в древности и средневековье», п. 3 «Реконструкция древних мировоззренческих комплексов»), проект «Реконструкция древнеисландских мировоззренческих комплексов на материале "Старшей Эдды"». Текст «Старшей Эдды» цитируется по [8], перевод – по [3].

¹ База данных находится в Машинном фонде ИРИ РАН [2, 361].

ТОПОРОВА Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкоznания РАН.